

В июле 1957 года мама, папа, Люба и я (Милочка осталась в Калининграде с Морозами) ездили в Севастополь в гости к семье моего дяди, папиного старшего брата - Дмитрия Багратовича Намгаладзе. Сам Дмитрий Багратович лежал в это время после инфаркта в госпитале. Он был уже в отставке, в которую вышел в чине генерал-майора. К отставке и к инфаркту его, начальника разведки Черноморского флота привела трагедия с "Новороссийском" - трофейным итальянским линкором, перевернувшимся после взрыва непонятого происхождения (то ли донная мина, то ли диверсия) на Севастопольском рейде. Спасатели ходили по днищу плававшего кверху брюхом линкора и ничем не могли помочь задохавшимся морякам, закупоренным во внутренних помещениях. Попытки прорезаться на стук ни к чему не привели. Погибло несколько сот человек. Причину аварии так и не установили. Если это была диверсия, то за её непредотвращение прямую ответственность нёс Дмитрий Багратович.

В Севастополе я познакомился со своими двоюродными братьями -Нодиком (Нодари), средним сыном Дмитрия, тогда курсантом Военно-морского училища, и Эдиком, старшим сыном, болезненным, без одного лёгкого, но общался я в основном с Эрной, младшей дочерью Дмитрия Багратовича, года на полтора старше меня.

Эрна и Люба, Севастополь, июль 1957 г.

С Эрной мы один раз ходили в госпиталь к Дмитрию Багратовичу, где я увидел его в первый и последний раз. На фотографиях он выглядел очень похожим на моего отца, а здесь казался совсем стариком, хотя ему было всего 54 года. Через несколько дней он умер.

Хоронили его с воинскими почестями. Гроб стоял в бывшей церкви Черноморского флота, оттуда его везли на кладбище на оружейном лафете, впереди несли на подушечках ордена, за лафетом шли матросы с карабинами на плече, над могилой салютовали из карабинов. Для меня впечатление от торжественности похорон преобладало над впечатлениями от горя семьи.

На похороны приезжал из Тбилиси младший брат отца и Дмитрия -Пантелей. Обрато уезжал он из Ялты - отплывал на теплоходе в Батуми, где оставалась их мать Христинья, на похоронах старшего сына её не было - болела или не смогла приехать, не знаю. Из Севастополя до Ялты Пантелея провожали папа, мама и взяли меня. Мы выехали на "Победу" (видимо, с работы Дмитрия) рано утром, ещё затемно. Помню, как на дороге выскочил заяц, попал в сноп света от фар и некоторое время мчался перед машиной, а потом, наконец, сгинул где-то в темноте.

Когда подъезжали к Байдарским воротам, уже рассвело. Открывшийся вид на море с перевала буквально потряс меня своей красотой и неожиданностью, тем более что эффект был усилен контрастом черноты ночи в горах и рассвета над простором моря, раскинувшегося далеко внизу. Мы начали спускаться и вторым сильным впечатлением стали красно-золотые вершины гор, озарённые всходящим солнцем.

Запомнился вид Пантелея: небритого по траурному обычаю грузин и с чёрной повязкой на рукаве.

Папа и Пантелей в порту Ялты, июль 1957 г.

По возвращении в Калининград меня ждал сюрприз: в Доме пионеров мне предложили поехать пионерским фотокорреспондентом в Польшу, чему я, конечно, очень обрадовался - за границу, как никак! Делегация представляла все кружки Дома пионеров, и каждый должен был продемонстрировать своё умение польским пионерам. Возглавляла нашу делегацию учительница лет тридцати пяти, весёлая, добрая женщина. Не помню, к сожалению, её имени-отчества. Имя, кажется, Нина.

Отправлялись на автобусах от Дома пионеров, тогда он находился на углу улиц Чайковского и Зоологической, первого августа. Ехали, видимо, через Багратионовск. Никаких особых впечатлений от переезда через границу не осталось. Шоссе, два открытых шлагбаума, сначала наши, потом польские пограничники. Никакие проверки нас, детей, слава Богу, не касались, этим были заняты взрослые.

Часа за четыре доехали до Ольштына - центра соседнего с Калининградской областью воеводства. Знакомились с городом, были в музее Коперника - старинном замке с башней, откуда он вёл свои наблюдения (но, возможно, это и не в Ольштыне, а где-то рядом).

Ночевали в гостинице, а на следующий день отправились в лагерь, где и провели большую часть времени из отведённых нам двух недель.

Польские пионеры - харцеры и их лагеря резко отличаются от наших как по внешнему виду, так и по стилю жизни. Это сразу же бросается в глаза. Похоже больше на бой-скаутов.

Во-первых, все харцеры носят форму защитного цвета: рубаша с погончиками и железными пуговицами с изображением "лилийки", к погончику на шнуре в виде аксельбанта прикреплен свисток, который прячется в нагрудном кармане; шорты с ремнём, железная бляха которого украшена словом CZUJ ("Чуй" - в буквальном смысле, от слова чують, вроде нашего "Будь готов!"). Полное приветствие у харцеров звучит так: "Чуй, чуй, чувай! Чуй, чуй, чувай! Чуй, чуй, чувай, чувай, чувай!"; на ремне непременно нож типа финки или даже кинжал в ножнах, причём ножи самые что ни на есть боевые; на голове четырёхугольная фуражка-конфедератка или пилотка с приколотой "лилийкой"; галстуки носят разных цветов, цвет определяет принадлежность к тому или иному отряду. Нагрудный знак харцера имеет вид железного креста, в центре которого круг с тем же "Чуй". В амуницию харцера входят также плоский фонарик с большим отражателем, солдатский котелок и складная вилка-ложка. К нашему великому счастью всем этим богатством мы были полностью экипированы, а харцерский ремень до сих пор служит мне верой и правдой вот уже более четверти века. Жалко финку - я её по дурацки утопил во время рыбалки с ночёвкой на Сестре-реке.

Во-вторых, сам лагерь нисколько не похож на известные мне советские пионерлагеря. Расположен вдали от всякого жилья на берегу озера в окружении леса, ни электричества, ни водопровода, ни радио, ни телефона, до ближайшего хутора километра три. Помещения - брезентовые палатки на четыре человека, вместо кроватей - самодельные топчаны из жердей. Под навесом - армейская полевая кухня. Общий обеденный стол представляет собой выложенный дёрном круглый участок земли, обкопанный канавкой глубиной по колено и шириной в полторы ступни. По внешней окружности канавки также положен дёрн, на него садишься, ноги в канавку, котелок на стол и ешь в своё удовольствие. Если дождь, то ели в палатках. Готовили на кухне сами, посуду мыли в озере, там же и умывались утром. Чистые котелки вешали на специальные сучковатые колья.

Пионер-харцерлагерь, август 1957 г.

Варшава, август 1957 г.

Туалет - очень забавное и удобное сооружение: над ямой козлы из жердей, отполированных сначала ножами, а потом задницами пионеров. Причём жерди расположены на разных уровнях: на нижнюю садишься, а на верхнюю облакачиваешься спиной и обхватываешь её руками, так что жердь оказывается где-то под мышками и упирается в лопатки, в общем, сидеть и справлять большую нужду очень удобно.

В центре поляны, по краям которой стояли палатки, возвышалась жердь-мачта, на которую мы торжественно подняли в день нашего приезда польский и советский флаги.

Занимались мы в лагере в основном самообслуживанием: готовили обеды, убирали территорию, массовым порядком заготавливали грибы, прочёсывая лес стройными

рядами, ловили рыбу, загорали, купались, в общем, вели нормальную жизнь, не обременённую "мероприятиями". Раза два ездили в другие лагеря, похожие на наш, выступали с самодеятельностью, демонстрировали сделанные в Доме пионеров модели самолётов, радиоприёмники и прочие свои достижения. С поляками мы чувствовали себя запросто, понимали друг друга хорошо, польский язык очень похож на украинский, а в школах изучают русский. Поражало большое количество верующих среди харцеров - большинство носит нательные крестики. Впрочем, это не мешает им быть обычными озорными пацанами.

На два дня нас возили на "Победах" (изготовленных здесь в Польше и названных "Варшавами") в Варшаву. Запомнилась смотровая площадка на верхушке Дворца культуры и науки имени Сталина, откуда видно всю Варшаву; зоопарк, в котором большинство зверей отгорожено не решётками, а рвами; Старо Място, где нас водили в старинные дома со старинным интерьером; огромный новый стадион; дворцовые парки с прудами, кишачими карпами; памятник жертвам Варшавского гетто. Вообще, Варшаву мы осматривали очень интенсивно, но, к сожалению, возраст был ещё не тот, чтобы всё это достойно воспринять.

Очень трогательным было прощание с друзьями-поляками на границе, лились слёзы...

Свою миссию я исполнил добросовестно, отснял три катушки плёнки, отпечатков наделал и для Дома пионеров, и для себя, и для ребят из делегации, несколько ночей трудился, теперь уже без помощи мамы. Такое массовое производство пошло, конечно, в ущерб качеству, но оно тогда меня не очень волновало - главное, факт запротоколировать. Осенью того же года мои занятия в фотокружке Дома пионеров прекратились в связи с упоминавшейся уже пропажей папиного "Зенита".

([продолжение следует](#))